В. 3004.

. 3004

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ
Группа Анархистовъ.

13

ЦЕІ
ф825

С. Форъ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ БОГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

1907

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ
Группа Анархистовъ.

С. Форъ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ БОГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

1907

ЦЕІ
ф 825

505 4-3226у
35

2011
У 83

Предисловіе.

Идя на встрѣчу предложенію лицъ, пожелавшихъ имѣть текстъ противорелигіозныхъ рефератовъ, прочитанныхъ мною во многихъ городахъ Франціи, я рѣшилъ выпустить эту брошюру.

Въ ней читатель найдетъ возможно точное содержаніе этихъ рефератовъ.

Спѣшу замѣтить, что этой брошюры было бы недостаточно, для того чтобы развить мысль такъ, какъ я развиваю ее съ трибуны. Содержаніе является только остовомъ, принарядить который сумѣетъ каждый самъ; это — канва, по которой всякій сможетъ вышить желаемый узоръ; это — тема, развить которую сумѣетъ всякій, въ зависимости отъ силы своего мышленія.

Я буду доволенъ, если въ этомъ арсеналѣ читатель сумѣетъ отыскать для себя оружіе, необходимое для борьбы и одержанія побѣды надъ непримиримымъ врагомъ прогресса и свободы — надъ религіознымъ духомъ.

Себастьянъ Форъ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ БОГА

Эволюція религіи

Новѣйшія научныя работы яркимъ свѣтомъ озарили трансформистскую теорію, ту самую теорію, которая доказываетъ, что въ природѣ нѣтъ ничего недвижимаго или неизмѣннаго, что все эволюируетъ, измѣняется, преобразовывается.

Ученые люди, задававшіеся цѣлью прослѣдить, примѣнимъ ли этотъ законъ эволюціи къ міру идей, съ давнихъ поръ уже установили, что идея, какъ и матерія, претерпѣваетъ безконечный рядъ измѣненій и постоянно преобразовывается.

Допустивъ, что по существу своему идея есть не что иное, какъ внутреннее отраженіе окружающей среды, не что иное, какъ отпечатокъ какого-нибудь изъ испытанныхъ ощущеній, и исходя изъ того, что въ природѣ все подвержено измѣненіямъ, мы тѣмъ самымъ приближаемся къ понятію о томъ, что идея, подобно всякой другой вещи и точно такимъ же образомъ, повинуется законамъ преобразованія.

Но въ виду существующаго во многихъ умахъ сомнѣнія о матеріальномъ происхожденіи всякой идеи, я считаю наиболѣе полезнымъ провѣрить справедливость положенія, уподобляющаго идею организованному существу, подвергнувъ какую нибудь изъ идей изслѣдованію. Я выбираю идею религіозную, потому что она сыграла весьма значительную роль въ прошломъ; потому что она заняла видное мѣсто въ нашихъ обычаяхъ; потому что и теперь ее всячески стараются возродить.

Всякое организованное существо рождается, развивается и умираетъ. Необходимо удостовѣ-

риться, встрѣчаются ли въ религіозной идеѣ эти три фазы: рожденіе, развитіе и смерть.

Эти три періода составятъ три части моего доклада, который, слѣдовательно, будетъ содержать три отдѣла: 1) зарожденіе, 2) развитіе, 3) исчезновеніе религіозной идеи. Къ этому я сдѣлаю нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній общаго свойства, относящихся къ современной эпохѣ.

Зарожденіе религіозной идеи.

О происхожденіи религіи была написана такая масса книгъ, что, если бы собрать всѣ тѣ, предметомъ которыхъ является изученіе условій и обстоятельствъ, при которыхъ на нашей планетѣ родилась идея о существованіи одного или нѣсколькихъ божествъ, то можно было бы легко составить обширнѣйшую изъ всѣхъ существующихъ библіотекъ. Относительно того, «гдѣ?», «когда?» и «какимъ образомъ?» возникла въ человѣческомъ разумѣ идея о богѣ, существуетъ безчисленное множество самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній.

За неимѣніемъ провѣренныхъ фактовъ нѣтъ да и быть не можетъ ничего, кромѣ предположеній. Правдоподобность излагаемаго мною предположенія мнѣ кажется наиболѣе допустимою, и если я спѣшу заявить, что дѣло идетъ лишь о рядѣ предположеній, то, да будетъ мнѣ все-таки позволено присовокупить, что вѣроятность этихъ предположеній мнѣ представляется слишкомъ поразительной, чтобы не быть въ состояніи внушить довѣріе и вамъ.

Необходимость познавать, т. е. понимать сущность тѣхъ явленій, которыя совершаются на глазахъ человѣка; потребность знать, не только изъ любви къ наукѣ, но для умѣнія пользоваться окружающими силами природы и устранять тѣ изъ

нихъ, которыя угрожаютъ жизни; такую потребность въ знаніи можно найти у меня, у васъ, у каждаго. Она существуетъ въ различныхъ степеняхъ, но въ большей или въ меньшей мы ее находимъ у всѣхъ. Непрерывное развитіе человѣческихъ знаній является достаточнымъ доказательствомъ того, что эта потребность присуща не только современнымъ намъ цивилизаціямъ. Весьма отдаленные намеки на первыя усилія нашихъ предковъ «познавать» показываютъ, что эта потребность существовала въ эпохи, наиболѣе отдаленныя. Исходя изъ этихъ соображеній, можно заключить, что необходимость въ знаніи ощущается достигшимъ извѣстной степени развитія человѣкомъ.

Въ началѣ великія или малыя явленія въ глазахъ нашихъ предковъ были окутаны тайной. До тѣхъ поръ, пока природа не раскрыла ни единой изъ своихъ тайнъ, человѣкъ напоминалъ собою гонимый бурею челнокъ, неспособный управлять-ся. Наконецъ наступила эпоха, когда настоятельно дала себя почувствовать потребность въ умѣніи считаться съ тѣмъ, что происходитъ вокругъ. Не могло вѣдь человѣческое существо оставаться безпомощнымъ по отношенію къ силамъ природы, враждебныя явленія которой были для него бичемъ, угрозой его жизни.

И онъ умудрился выдумать необходимыя объясненія. Его полнѣйшее невѣжество, не дававшее ему возможности положительно, достовѣрно объяснить видѣнныя явленія, роковымъ образомъ заставило его ввести цѣлое полчище сверхъестественныхъ чудовищъ, которыхъ онъ щедро одарилъ всевозможными могуществами.

Населенное звуками, цвѣтами, формами, образами и непрерывно смѣнявшимися впечатлѣніями воображеніе его постепенно сдѣлалось притономъ тысячи тысячъ безпорядочныхъ, ложныхъ понятій, жалкою жертвой которыхъ стало его же собственное существо. Въ завываніи вѣтра, въ ревѣ бури, въ сверканіи молніи, въ озарявшемъ ему путь свѣтѣ солнца, въ окутывавшемъ его мракѣ ночи, въ паденіи дождя предокъ видѣлъ то существа дружескія или враждебныя, то проявленіе

недоброжелательства или милости со стороны живших въ заоблачныхъ пространствахъ существъ.

Слѣдовательно, прежде всего Богъ былъ олицетвореніемъ силъ природы и естественныхъ явленій, или же овеществленіемъ причинъ, обладавшихъ возможностью вызывать или прекращать эти силы. Смѣна дней и ночей, перемѣна временъ года, внушили человѣку идею о времени. «Вчера, сегодня, завтра» — представлялись ему какъ бы мѣриломъ времени, прошедшаго, настоящаго, будущаго. А такъ какъ и послѣ смерти одного человѣка и послѣ смѣны цѣлыхъ поколѣній, вѣтеръ продолжалъ завывать, буря — бушевать, молнія — сверкать, солнце — сіять, дождь — лить, то отсюда заключили что есть существа, живущія чрезвычайно долго, а можетъ быть и вѣчно, и одаренные, слѣдовательно, безсмертіемъ.

Во время своихъ безпорядочныхъ скитаній по неизмѣримымъ степямъ, они составили себѣ идею о безграничности пространства, и представленіе о безпредѣльности пространства возникло такъ само, какъ и представленіе о безпредѣльности времени.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ, понятіе о Богѣ сдѣлалось абсолютнымъ продолженіемъ встрѣчавшихся случайностей, извѣстной относительности. Солнце, способствовавшее созрѣванію плодовъ, благотворно вліявшее на растенія, озарявшее свѣтомъ пещеру или хижину, предокъ нашъ считалъ другомъ, благодѣтелемъ, Добромъ.

Морозъ, задерживавшій ростъ зелени и сковывавшій ему члены; ночь, наполнявшую его хижину призраками, или покушавшимися на него хищниками; словомъ все, что угрожало ему или желало ему вреда — онъ считалъ врагомъ, Зломъ.

И такимъ образомъ онъ создалъ Духа Добра и Зла, дружескія или враждебныя Божества, Боговъ Свѣта и Мрака. Мы снова замѣчаемъ, что никакихъ неопровержимыхъ данныхъ въ пользу того, что все происходило именно такимъ образомъ, не имѣется: но если не имѣется достовѣрныхъ фактовъ для подтвержденія этого рода предположеній, то нѣтъ въ то же время ничего такого, что

могло бы свидѣтельствовать о ихъ неточности или дать мѣсто другому роду предположеній.

Въ случаѣ надобности, я могъ бы сослаться на два слѣдующихъ соображенія для подкрѣпленія своихъ доводовъ:

Вамъ небезызвѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ нашей планеты живутъ люди, которые внѣшностью, распорядками, обычаями и прочимъ воскрешаютъ предъ нами эпоху давно минувшихъ вѣковъ. Разсказы путешественниковъ, посѣщавшихъ эти именуемыя дикими страны и жившихъ болѣе или менѣе долго среди этихъ первобытныхъ народовъ, во всей полнотѣ подтверждаютъ то мнѣніе, которое я высказалъ, касаясь вопроса о появленіи идеи о Богѣ и первыхъ формъ, въ которыя она была облечена.

Второе соображеніе: Вамъ извѣстно также, что дитя съ изумительной быстротой и довольно точно воспроизводитъ всѣ стадіи цѣпи предковъ. Итакъ, присмотритесь къ ребенку: онъ несвѣдущъ, но любопытство все-таки его донимаетъ; онъ довѣрчивъ, склоненъ увлекаться, вѣрить во всякое чудо, способенъ, въ зависимости отъ силы игры своего воображенія, придумать сверхъестественныя существа или же видѣть таковыя въ окружающихъ его явленіяхъ.

Почему же не предположить, что въ первые вѣка своего существованія, въ эпоху своего дѣтства, человѣчество не проходило такія же стадіи?

Развѣ не заблуждаются, или скорѣе вводятъ въ заблужденіе, тѣ лжетолкователи всякихъ религій, которые утверждаютъ, что Богъ создалъ человѣка по подобію своему?

Для насъ теперь вполнѣ очевидно, что наоборотъ человѣческое невѣжество породило Боговъ и придало имъ человѣческій же обликъ.

Да, человѣкъ сотворилъ Бога по подобію своему, одаривъ его всѣми тѣми свойствами, какія пришли ему на мысль при видѣ своей собственной мощи или своей собственной слабости, своихъ достоинствъ или своихъ же недостатковъ; однимъ изъ нихъ онъ приписалъ доброту, другимъ — зло; однихъ онъ окружилъ ореоломъ

свѣта; другихъ — осудилъ на вѣчное пребываніе во мракѣ. Размѣстивъ ихъ всѣхъ въ опредѣленныхъ условіяхъ времени и мѣста, онъ взиралъ на своихъ Боговъ сквозь увеличительное стекло своего невѣжественнаго воображенія и вслѣдствіе этого шагнулъ за предѣлы, доступные наблюденіямъ, по ту сторону жизни, дальше всякаго рода свойствъ, которыми онъ щедро одарилъ продуктъ своего собственнаго воображенія.

Развитіе религіозной идеи.

Нетрудно понять, что идея о Богѣ, которая была прежде всего идею чисто спекулятивною, не замедлила и не могла замедлить сдѣлаться идеей соціальною.

Допустить, что Божество существуетъ, значитъ признать наличность связи между созданіемъ и создателемъ; религія (religare) и есть не что иное, какъ сводъ вѣрованій и дѣяній, устанавливающихъ отношеніе между человѣкомъ и Богомъ, устанавливающихъ права Одного и обязанности другого.

Въ самомъ началѣ религіозная идея натолкнулась на идею о превосходствѣ, проявленную мускулатурою наиболѣе сильныхъ.

Первобытныя племена вели постоянныя войны. Они рано уразумѣли, что мускульная сила ихъ имѣетъ извѣстное время для существованія, что не вѣчно человѣку бываетъ 25 — 30 лѣтъ, что на ихъ мѣсто явятся молодыя поколѣнія и смѣстятъ ихъ. И чтобы удержать за собою главенство, власть кулака поторопилась признать къ себѣ на помощь новую силу — нравственную власть.

Союзъ оказался роковымъ. Онъ началъ крѣпнуть, и слѣдствіемъ его явился Богъ воиновъ. Часто горсть воодушевляемыхъ фанатизмомъ солдатъ разбивала на голову цѣлую армію, обезумѣвшую отъ страха только лишь потому, что предсказаніе оракула было не въ пользу, этой послѣдней.

Мореплаватель съ своей стороны изобрѣлъ Бога бурь, земледѣлецъ создалъ Бога урожая, и вскорѣ набралось цѣлое множество неладившихъ между собою боговъ и полубоговъ.

Но потребность знать сверлила умъ человѣческій. Появились мыслители, которые не безъ основаній полагали, что всемогущество не можетъ быть дѣлимо, что не можетъ быть мѣста спорамъ, соперничеству среди всемогущихъ.

И подъ вліяніемъ этихъ размышленій создалось единобожіе. На сцену выступило христіанство. При первомъ своемъ появленіи оно было народнымъ движеніемъ, борьбою слабыхъ съ сильными, и если бы вздумали провести параллель между той эпохой, когда родившійся въ ясляхъ Христосъ, сынъ бѣдныхъ родителей и бѣднякъ самъ, избралъ двѣнадцать апостоловъ среди наиболѣе бѣдныхъ, отстаивая съ ними права обездоленныхъ — и переживаемой нами эпохой, когда люди всею пылкостью своихъ рѣчей ратуютъ за большее благо, справедливость, равенство, тогда у насъ была бы возможность доказать поразительную аналогію. Болѣе двухъ вѣковъ христіанство дѣлало свое народное дѣло, доводя его до возмущенія угнетенныхъ, до объявленія войны богатымъ. Бывали случаи, когда римскіе патриціи отдавали тысячи христіанъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Но въ то движеніе вмѣшались люди, придавшіе ему новую окраску. Прикрываясь мистицизмомъ, считая, что настоящія времена еще ненаступили, они украдкой сорвали съ Христа все человѣческое, возвели его въ Божество, сдѣлали его основателемъ новой религіи, и легковѣрные, невѣжественные, фанатичные ученики Вифлеемскаго отрока отошли мало-по-малу отъ прямыхъ требованій и земныхъ заботъ; они замѣнили поклоненіемъ кресту и смиреніемъ тотъ духъ возмущенія, который ихъ прежде воодушевлялъ; ихъ уже не увлекало ничто, кромѣ міра вѣчнаго блаженства, о которомъ, по приписываемому священнымъ

писаніемъ Христу пареченію, говорится: «Царствіе мое не въ этомъ мірѣ».

И когда Константинъ увидѣлъ, что христіанство, успокоитель гнѣва и проповѣдникъ покорности, можетъ быть полезнымъ для упроченія власти, онъ протянулъ ему руку, и миръ былъ установленъ.

Съ этого момента христіанская идея стала необычайно распространяться, развиваться съ головокружительной быстротой. Къ ней прислушивались князья, ея совѣтами пользовались монархи. Предъ нею склонялись самыя гордыя головы.

Какой смыслъ могло имѣть все земное, если жизнь — только промежуточное пребываніе въ этой долинѣ скорби? Одно только могло имѣть важное значеніе — спасеніе души. Прогрессъ застылъ, мысль оцѣпенѣла. Сомнѣніе было преступленіемъ, за которое не могло быть наказаній, достаточно строгихъ. Религіозной идеей стали прикрывать всевозможные виды злоупотребленій, всѣ виды эксплуатаціи. Папы управляли королями; епископы понукали сеньорами. На кличъ Петра Пустынника, св. Бернарда и проповѣдывавшихъ именемъ Христа монаховъ откликнулись милліоны воиновъ, перешедшихъ чрез всю Европу на Востокъ, чтобы отвоевать ту землю, по которой ступалъ Мессія.

Поколѣнія правовѣрныхъ покрыли Востокъ роскошными соборами и гигантскими базиликами. Музыка, поэзія, скульптура, театръ, живопись, ораторское искусство, литература, всѣ виды творчества, пропитанные духомъ католицизма, носятъ сильный отпечатокъ библейскихъ завѣтовъ... Мысль очарована... Желанія подавлены... Человѣчество трепещетъ. Оно преклоняется... Богъ торжествуетъ... Это — апогей.

Исчезновеніе религіозной идеи.

Но потребность знать продолжаетъ свое дѣло. Съ теченіемъ вѣковъ науки пошли по пути прогресса. Человѣческій разумъ, послѣ долгаго и печальнаго періода блужданія начинаетъ упорно стремиться къ свѣту. Отважныя натуры смѣло взяли въ руки факелъ разума. Искатели истины перестаютъ довольствоваться необоснованными доводами прошлаго, нетерпѣливо стряхиваютъ съ себя бремя предразсудковъ.

Физика, химія, естественная исторія, астрономія отчасти объясняютъ тѣ явленія, которыя породили ужасъ и вызывали благоговѣніе у нашихъ предковъ. Устарѣвшія традиціи поколебались. Разгорается борьба тѣхъ, которые стремятся познать, съ тѣми которые предпочитаютъ вѣрить. Догма и разумъ вызываютъ на бой Бога безъ философіи, съ философіей безъ бога. Древнее представленіе о мірѣ разлетѣлось въ пухъ и прахъ. Изслѣдованія ученыхъ, овладѣвающихъ мощными инструментами, способными проникать насквозь, подчиняютъ міръ законамъ небесной механики.

Матеріалистическое пониманіе появляется, упрочается, развивается, пробивая брешь въ дѣтскомъ и грубомъ спиритуализмѣ предшествовавшихъ вѣковъ. Гипотеза о Богѣ все больше и больше отодвигается въ сторону, и уходящій Богъ перестаетъ быть Богомъ. Непреодолимый потокъ влечетъ наши потерявшія надежду поколѣнія къ безбожію.

Чѣмъ большимъ запасомъ знаній располагаетъ человѣкъ, тѣмъ менѣе у него желанія принимать на вѣру, и страннымъ представляется то, что наши поколѣнія могутъ еще задумываться надъ вопросомъ о сверженіи отживающей религіи. Если религіозная идея еще держится, то только по инерціи. Таковы бываютъ впечатлѣнія дѣтства, отъ которыхъ трудно сразу отрѣшиться. Идеи и вѣрованія напоминаютъ, наконецъ, намъ ста-

рыхъ друзей, съ которыми живешь лѣтъ тридцать, сорокъ, съ которыми связаны тысячи воспоминаній и съ которыми какъ то неловко сразу оборвать знакомство.

Нѣтъ, слѣдовательно, ничего необычайнаго въ томъ, что мы потратили такъ много времени, прежде чѣмъ дошли до матеріалистическаго пониманія жизни. Что боги удаляются, — этого отрицать нельзя, и подтвержденіе тому мы находимъ даже въ произведеніяхъ нашихъ противниковъ.

Послѣднія увертки клерикализма.

Дряблость религіозной идеи породила два вида увертокъ. Въ области политической увертка сказалась въ соглашеніи Республики съ Церковью во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, въ области экономической она проявилась въ видѣ христіанскаго соціализма.

Чувствуя, что почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ, церковь чрезъ посредство папы оффиціально признала свою связь съ республикой, и любопытный примѣръ этого мы встрѣчаемъ на выборахъ въ Брестѣ. Въ этой, чисто монархической области имѣлось два кандидата: графъ Де-Блуа, приверженецъ трона и алтаря, и аббатъ Гайро-приверженецъ одного только алтаря. Духовенство изо всѣхъ силъ открыто поддерживало только перваго.

Это-ли не поблажка со стороны Церкви, которая, предчувствуя свою гибель, прикрывается маскою республиканства. Это примиреніе не можетъ быть искреннимъ, такъ какъ церковь считаетъ, что волѣ Божьей должно быть все покорно, и что власть исходитъ свыше; между тѣмъ какъ Республика находитъ, что выраженная всѣми воля и власть исходятъ снизу.

Не пожелавъ стать республиканцемъ, Папа къ своему вѣнцу прикололъ кокарду соціалиста. Вотъ чего мы не намѣрены стерпѣть.

Воля ваша, клерикалы, вступать въ связь съ Республикой и воля республиканцевъ брататься съ вами; тѣмъ хуже для нихъ. Но заявляемаго вами стремленія, вмѣшаться въ рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, мы не допустимъ.

Что сдѣлали вы въ теченіе долгихъ вѣковъ своего исключительнаго господства? Вы заключили союзъ съ собственниками, дворянами, царями. Вы сдѣлались соучастниками всякаго рода притѣсненій, эксплуатацій. Теперь же, когда вы обратились въ ничто, когда вы ничего сдѣлать не въ состояніи, теперь у васъ явилась мысль поинтересоваться судьбою пострадавшихъ въ соціальной борьбѣ.

Ничего вы не сдѣлаете, ибо ничего не умѣете дѣлать. Скажу даже больше: вы даже не имѣете права стремиться къ чему-либо подобному.

Все, что существуетъ, — создано волею Божіею. Только въ силу того, что Богу такъ было угодно, существуютъ богачи и нищіе, эксплуататоры и эксплуатируемые; одни мрутъ отъ недоѣданія, другіе — лопаются отъ обжорства, и съ вашей стороны было-бы святотатствомъ желаніе измѣнить что бы то ни было; преступленіемъ было бы желать исправить созданіе Творца, пути котораго неисповѣдимы.

Право недовольствоваться за нами; вашъ долгъ — безропотно покоряться, недоумѣвать, скорбѣть, но... подчиняться!

Возможность соглашенія. Заключеніе.

Все-таки есть одно средство для соглашенія между нами. Сами вы заявили, что «земныя блага — тлѣнны и презрѣнны, тогда какъ блага небесныя будутъ безконечной утѣхой, нескончаемымъ счастьемъ.» Хорошо; мы у васъ не оспари-

ваемъ второго, но первое оставьте намъ. Тѣмъ болѣе, что намъ легко будетъ сдѣлать землю раемъ: ненависть уступитъ мѣсто добру, а долина мученій станетъ Эдемомъ. Да и время настало сдѣлать все это! Я заявляю республиканцамъ, соціалистамъ: Остерегайтесь! Тѣ люди, у которыхъ вы отняли вѣру, требуютъ законнаго удовлетворенія. Имъ недостаточно пустыхъ обѣщаній. Имъ нужно немедленное рѣшеніе. Чѣмъ больше вы будете выжидать, тѣмъ суровѣе будетъ становиться расправа.

Преступная нелѣпость религіи.

Кто мы? Откуда мы? Куда мы идемъ? Откуда появился окружающій насъ міръ? Дѣло ли случая или восхитительно обдуманный совершеннѣйшимъ разумомъ, одареннымъ всемогущею волею, планъ легъ въ основу той правильной смѣны явленій, которыхъ непрерывное и правильное зрѣлище, являетъ намъ природа?

Эти первостепенной важности вопросы человѣчество задаетъ себѣ въ теченіе долгихъ вѣковъ.

Судя по даваемымъ на этотъ счетъ отвѣтамъ, жизнь представляется или величиною, которою можно пренебречь, или же величиною, имѣющей огромное значеніе.

Эти проблемы еще не разрѣшены, и, возможно, что нѣкоторая неясность будетъ постоянно царить надъ ними.

Во всякомъ случаѣ, если наука не дошла еще до того, чтобы быть въ состояніи разсѣивать всякое сомнѣніе въ этихъ различныхъ точкахъ зрѣнія, зато она успѣла уже уйти до умѣнія устранить изъ числа допускаемыхъ разумомъ догадокъ, гипотезу о Богѣ, извращенную давно отошедшими вѣками невѣжества.

Соверменное состояніе науки позволяетъ только людямъ ограниченнымъ, только душамъ легковѣрнымъ погружаться въ религію, въ надеждѣ отыскать тамъ данныя для разрѣшенія сомнительныхъ проблемъ.

Вообразимъ что въ одну изъ тѣхъ дивныхъ ночей, въ которыя взоръ нашъ плѣняется яркимъ сіяніемъ звѣздъ, прогуливаются два человѣка, обмѣниваясь впечатлѣніями этого грандіознаго зрѣлища.

Предположимъ, что одинъ изъ нихъ — юноша, а другой — священникъ.

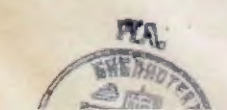
Юноша — того возраста, когда мучимый пытливостью разумъ не перестаетъ задавать тысячи вопросовъ. Онъ спрашиваетъ у священника о томъ, «какъ» и «почему» безконечныя чудеса движутся въ пространствѣ.

Священникъ ему отвѣчаетъ.

« Дитя мое, всѣ эти міры которые вызываютъ въ васъ такое изумленіе, являются дѣломъ рукъ высшаго существа. Его безконечная мудрость управляетъ ихъ движеніемъ, его всемогущая воля держитъ все въ порядкѣ и устанавливаетъ гармонію во вселенной. Мы сами тоже являемся созданіемъ этого Творца. Чрезъ своихъ избранниковъ онъ сподобилъ насъ познать тотъ путь, которому, согласно его волѣ, мы должны слѣдовать. Слѣдовать его пути благо, добродѣтель; уклоняться отъ него — зло, грѣхъ. Добродѣтель сулитъ намъ вѣчное блаженство, грѣхъ — безконечныя страданія. Создатель, Вседержитель, Провидѣніе, вотъ кто — Богъ, которому мы всѣмъ обязаны.

Къ нимъ подходитъ третій. Этотъ послѣдній — матеріалистъ, атеистъ, свободомыслящій. Онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ. Онъ доказываетъ юношѣ, что существующій въ мірѣ порядокъ является слѣдствіемъ силъ, дѣйствующихъ и управляющихъ всѣми существами и предметами. Онъ утверждаетъ, что Богъ — не что иное, какъ плодъ воображенія нашихъ невѣжественныхъ предковъ; что нѣтъ ни Провидѣнія, ни т. п. Тогда споръ между вѣрующимъ и атеистомъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ перечнемъ

4-3296



тѣхъ рѣзкихъ разногласій, какія вѣками создавалъ религіозный вопросъ.

Этотъ перечень я берусь сгруппировать, выставивъ предъ моими слушателями всѣ подробности нашихъ преній. Въ этомъ изложеніи я постараюсь установить:

1°, Что гипотеза о Богѣ не необходима,
2°, Что она безполезна;
3°, Что она безсмысленна;
4°, Что она преступна.

Два первыхъ пункта будутъ относиться къ Творцу, третій — къ Откровенію, четвертый — къ Провидѣнію.

Гипотеза о Богѣ не необходима.

Доводъ въ защиту существованія законовъ, управляющихъ отношеніями всѣхъ предметовъ и устанавливающихъ независимость каждаго существа и общую зависимость или солидарность (гармонію), такихъ доводовъ въ настоящее время имѣется такое обиліе, что даже наиболѣе вѣрующіе изъ вѣрующихъ отказываются оспаривать это.

Но, несмотря на діалектическія увертки, положившія начало особаго рода казуистикѣ, религіозный духъ прибѣгаетъ къ разсужденію слѣдующаго рода:

«Существуютъ естественные законы, которымъ разбросанные въ пространствѣ тѣла, повинуются; такъ вѣдь? Но упоминая «законъ», приходится упомянуть «Законодателя». Даже больше того: власть законодателя должна превосходить и предшествовать тѣмъ силамъ, какія предоставлены ему закономъ. Слѣдовательно, верховный Законодатель существуетъ».

Приходится сознаться, что не малое число лицъ видѣло въ этомъ аргументѣ рѣшительный доводъ въ защиту гипотезы о «Богѣ», признанной вслѣдствіе этого необходимою.

Ошибка этихъ людей легко объяснима. Происходитъ она вслѣдствіе той аналогіи, которую хитрые софисты хотятъ установить между управляющими матеріей естественными законами и законами человѣческими.

Разсуждаютъ эти толкователи-казуисты такъ:

«Управляющіе человѣческими обществами законы неизбѣжно требуютъ соучастія законодателя. Одно неминуемо вытекаетъ изъ другого. Слѣдовательно, существованіе законовъ, управляющихъ звѣздами и планетами, тоже требуетъ существованія высшаго законодателя, появившагося ранѣе установленныхъ законовъ; этотъ-то законодатель и есть Богъ».

Это уподобленіе — безусловно ложно. Между естественными законами и законами человѣческими нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Во-первыхъ; естественные законы внѣшни по отношенію къ человѣчеству. Очевидно и понятно, что значительно раньше появленія на нашей планетѣ первыхъ человѣческихъ формъ законы механики оказывали вліяніе на нашу планету и на всѣ разбросанныя въ пространствѣ тѣла. Извѣстно и понятно также, что если бы въ силу какихъ либо причинъ необходимыя для человѣческаго существованія условія исчезли, то мы обратились бы въ прахъ, а звѣзды и сама наша планета продолжали бы свою вѣковую эволюцію, не испытавъ отъ этого ни малѣйшей помѣхи.

Тогда какъ человѣческіе законы, что бытекаетъ изъ самаго названія, неотдѣлимы отъ человѣчества; это — законы, иначе говоря, сводъ установленій и запрещеній людьми формулированныхъ и къ людямъ же приложимыхъ.

Во-вторыхъ; естественные законы по характеру своему — постоянны. Это — отличительное свойство всѣхъ законовъ физики, химіи, естествовѣденія, математики.

Въ противоположность этому человѣческіе законы, созданные преходящимъ человѣчествомъ и приложимые къ преходящимъ-же существамъ — главнымъ образомъ преходящи, кратковременны и даже противорѣчивы. Въ-третьихъ; естественые законы не знаютъ никакихъ наруше-

ній. Нарушеніе было бы чудомъ; но доказано, что чудесъ нѣтъ и не можетъ быть.

Наоборотъ, своды человѣческихъ законовъ нарушаются сплошь и рядомъ на каждомъ шагу. Административныя учрежденія, полиція, магистратура, жандармерія и. т. п., свидѣтельствуютъ объ изобиліи испытываемыхъ человѣческимъ законодательствомъ нарушеній.

Въ - четвертыхъ; естественные законы оказываютъ дѣйствія, не настаивая на выполненіи таковыхъ. Кормчій, напримѣръ, руководствуется компасомъ, не потому что обязанъ подчиняться его указаніямъ, а потому что по природѣ своей намагниченная стрѣлка, всегда стремящаяся къ сѣверу, даетъ ему возможность опредѣлять мѣсто нахожденія. Между тѣмъ какъ человѣческіе законы регламентируютъ факты, не справляясь съ послѣдствіями, требуя безпрекословно выполненія. Такимъ образомъ, не считаясь съ выражаемыми нами побужденіями, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что руководитъ нами при неминуемомъ законѣ влеченія половъ, человѣкъ-законодатель устанавливаетъ законы о зависимости половъ, класифицируетъ это въ разрѣшенія и запрещенія, называетъ законнымъ или незаконнымъ.

Къ этому можно было бы добавить еще много противорѣчій или отличій, существующихъ между естественными и человѣческими законами. Но и сказаннаго достаточно, такъ какъ оно даетъ возможность прійти къ тому заключенію, что аналогія, съ помощью которой пытались внести путаницу въ разумъ, безусловно не вѣрна, а потому и сдѣланные изъ нея выводы со всѣхъ точекъ зрѣнія недопустимы.

Итакъ, съ этой точки зрѣнія гипотеза о Богѣ —верховномъ законодателѣ, не представляется необходимой.

Но въ такомъ случаѣ, возражаютъ деисты, чѣмъ объяснить существованіе міра. Скажите-ка прежде всего, кто создалъ матерію, а затѣмъ — откуда взялись у нея тѣ силы, которыя приводятъ ее въ движеніе и удерживаютъ тѣла въ равновѣсіи во времени и въ пространствѣ.

Кто создалъ матерію?

Итакъ, кто создалъ матерію? Вотъ мой отвѣтъ.

Вообразимъ себѣ мысленно безконечную линію въ пространствѣ. Перейдемъ къ принятымъ въ математикѣ выраженіямъ. Сложите сотни милліардовъ съ милліардами милліардовъ Помножьте это невѣроятно огромное число на количество, въ тысячу милліардовъ разъ болѣе фантастическое. Скажите, сможете ли вы выразить протяженіе этой мысленно проведенной въ пространствѣ линіи? Имѣете ли вы возможность сказать: «вотъ точка А, гдѣ эта линія начинается, а вотъ точка В, гдѣ она кончается». Пространство — безпредѣльно, и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ этого неизмѣримаго пространства встрѣчается матерія въ одномъ изъ трехъ своихъ состояній: газообразномъ, жидкомъ или твердомъ. Такимъ сбразомъ, матерія распространена всюду.

Этой «безпредѣльностью» пространства объясняется «безпредѣльность» времени. Всѣ безпредѣльности соотвѣтственны. Исходя изъ этого положенія, вообразимъ себѣ мысленно линію истекшихъ вѣковъ: продолжимъ ее на разстояніе, соотвѣтствующее количеству вѣковъ грядущихъ. Къ этому добавьте еще какія угодно числа. Можете ли вы, восходя по теченію вѣковъ, найти исходную точку, principium, начало? Можете ли вы, нисходя по теченію вѣковъ, указать гдѣ конецъ? —Нѣтъ. Слѣдовательно, матерія находится не только вездѣ, но постоянно.

Такіе признаки безконечности встрѣчаются также и въ другихъ свойствахъ матеріи, въ объемѣ, напримѣръ. Вообразимъ себѣ колоссальныхъ объемовъ количество матеріи. Разумно ли было бы утверждать, что на немъ можно остановиться, что къ нему ничего больше добавить нельзя? Сдѣлайте теперь обратное: раздѣлите какую-нибудь частицу на сто, на тысячу, на милліонъ частей. Дойдете ли вы до предѣла дѣлимости? Не сможемъ ли мы продолжать дѣленіе дальше?...

Слѣдовательно, дѣлимость тоже не имѣетъ предѣловъ.

Такимъ образомъ на первый вопросъ: «кто создалъ матерію», я отвѣчаю, что вопросъ имѣлъ бы смыслъ, только въ томъ случаѣ, если бы была возможность опредѣлить происхожденіе, начало, предѣлъ самой матеріи. По доказанному, такое опредѣленіе — невозможно. Для чего же въ такомъ случаѣ прибѣгать къ догадкѣ, приписывая ей вовсе не соотвѣтствующее ей значеніе.

И съ этой точки зрѣнія гипотеза о «Богѣ» опять таки — не нужна.

Гипотеза о Богѣ безполезна.

Перечисленные доводы пріобрѣли теперь такую силу, стали настолько общими, что даже деисты не дерзаютъ открыто расписываться въ ихъ невѣрности. Но напрасно стали бы мы думать, что это ихъ обезоруживаетъ.

«Пусть такъ», говорятъ они.

«Пространство и время — безпредѣльны. Мы согласны съ вами даже и въ томъ, что движеніе распространено повсюду. Но самое движеніе откуда получило начало? Что за могущество вселило его въ матеріи? Это могущество, которое не только заставляетъ тѣла двигаться, но кромѣ этого гармонически распредѣляетъ это движеніе, — это и есть то, что мы именуемъ Богомъ. Тѣло не могло начать двигаться по своей волѣ; необходимъ былъ толчокъ, вслѣдствіе котораго пришли въ движеніе всѣ міры, вѣдь онъ долженъ былъ быть сдѣланъ какимъ либо существомъ?

Приведенное выше утвержденіе, отъ времени до времени мѣнявшееся, является предметомъ спора спиритуалистовъ съ матеріалистами.

Откуда получило начало движеніе

Полагая, что по природѣ своей простая матерія инертна, деисты приближаются къ тому, что тѣло пришло въ состояніе движенія (а это неоспоримо) лишь потому, что въ него проникла извнѣ энергія, внѣдрившаяся тамъ и придавшая тѣлу недоставшую ему силу.

Но имѣемъ ли мы хоть одно явленіе въ природѣ, которое могло бы служить для подкрѣпленія такого мнѣнія?

Ни одного — безусловно; наоборотъ, всѣ произведенныя наблюденія служатъ подтвержденіемъ тому, что движеніе есть одно изъ неотдѣлимыхъ свойствъ матеріи и само по себѣ тоже матерія. Изслѣдуя пространство, проникая въ глубь океана, взрывая нѣдра земли, мы не только находимъ матерію, но еще и находимъ ее въ состояніи постояннаго движенія.

Чтобы судить о постоянствѣ силы во времени, достаточно этого мірового свойства ея въ пространствѣ.

Это постоянство установлено тысячами доказательствъ. Теорія эволюціи состоитъ въ непрерывномъ видоизмѣненіи матеріи; въ основу ея легло постоянство испытываемыхъ существами и тѣлами превращеній; она служитъ для объясненія вѣчности грядущаго. Эти безостановочныя видоизмѣненія, эта перемѣна состояній, настолько же медленная, насколько и неуклонная, развѣ не служитъ неоспоримымъ доказательствомъ постоянства движенія, недопускающимъ возраженій свидѣтельствомъ бытія движенія даже въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ, равно какъ и достовѣрностью того, что движеніе будетъ существовать на протяженіи долгаго будущаго?

Кто не знаетъ извѣстнаго въ механикѣ принципа о «сохраненіи энергіи»? Кому не извѣстно, что сила, движеніе никогда не уничтожается, не исчезаетъ; что возможенъ только лишь переходъ, т. е. перемѣна характера, направленія движенія; что, если здѣсь мы находимъ теплоту, свѣтъ,

а тамъ — электричество, то затраченное на эти различныя явленія движенія снова остановится въ другихъ, но, повторяемъ, никогда не подвергнется ни малѣйшей убыли.

Извѣстная въ химіи аксіома: «ничто вновь не создается, ничто не пропадаетъ безслѣдно» — приложима и къ движенію. Слѣдовательно движеніе есть неотдѣлимое свойство матеріи, и если невозможно доказать происхожденіе матеріи, то настолько же невозможно опредѣлить происхожденіе движенія, по той простой причинѣ, что ни матерія отъ движенія, ни движеніе отъ матеріи — неотдѣлимы. Но даже если считать, что начало движенію положилъ первый толчокъ, то «гипотеза о Богѣ» здѣсь совершенно не при чемъ.

Міровой порядокъ.

Все то, что согласуется съ произведенными нами наблюденіями принято называть порядкомъ; соотвѣтственно этому создалось и представленіе о такъ называемомъ міровомъ порядкѣ и гармоніи. Правильная смѣна дней и ночей, перемѣна временъ года, заранѣе опредѣленная послѣдовательность однихъ и тѣхъ же явленій, постоянство дѣйствій, являющихся слѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же причинъ, однимъ словомъ, всегда сходныя между собою явленія опредѣленной и послѣдовательной цѣпи сходныхъ между собою дѣйствій, — вотъ, что мы называемъ порядкомъ.

Всякое нарушеніе, всякое уклоненіе отъ такого рода правилъ, установившихся подъ вліяніемъ обилія и постоянства нашихъ личныхъ ощущеній и общихъ наблюденій, — именуется безпорядкомъ.

Иначе говоря, порядокъ и безпорядокъ — два чисто субъективныхъ выраженія, и порядкомъ принято называть все то, что согласуется съ составленными нами и втолкованными намъ представленіями; все противоположное принято считать безпорядкомъ.

Слѣдовательно, представляющаяся намъ гармонія вселенной есть продуктъ нашего воображенія. И тѣ дивныя свойства порядка, которыя вызываютъ въ насъ изумленіе правильностью своей міровой распланировки, все это нашъ разумъ вздумалъ приписать природѣ. Порядокъ и безпорядокъ — вещи въ дѣйствительности не существующія.

Наполняющіе пространство солнечные міры не знаютъ ни порядка, ни безпорядка; тѣла, просто-на просто, въ силу своего объема, своей плотности, своего взаимодѣйствія, движутся всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, которыя намъ удалось подмѣтить.

Итакъ, во всей вселенной не существуетъ иного порядка, кромѣ того, который установило наше пониманіе. Слѣдовательно, изобрѣтателемъ порядка, гармоніи былъ не Богъ, а человѣкъ.

Гипотеза о Богѣ — безсмыслена.

Зная, что наука не все еще можетъ объяснить и боясь, что безъ выдумки о сотвореніи міра происхожденіе его останется непонятнымъ прибѣгнули къ предположенію, что существуетъ Превѣчный, всемогуществомъ котораго все создано.

Прежде всего необходимо разобраться въ значеніи религіознаго выраженія «сотворить».

Сотворить — не означаетъ взять одинъ или нѣсколько существующихъ уже элементовъ и скомбинировать ихъ; это не значитъ собирать матеріалы и извѣстнымъ образомъ расположить ихъ. Часовщикъ, напр., не создастъ часовъ, архитекторъ не создаетъ дома. Создать — значитъ сдѣлать существующимъ несуществующее, значитъ сдѣлать что-либо изъ ничего.

Въ такомъ случаѣ предположеніе о какомъ бы то ни было сотвореніи — чистѣйшая нелѣпость, ибо немыслимо создать что-либо изъ ничего, и знаменитый афоризмъ Лукреція: «Ex nihilo ni-

hil » продолжаетъ оставаться неопровержимой истиной.

Слѣдовательно, если матерія не могла быть создана изъ ничего, тогда она существовала вѣчно, и въ такомъ случаѣ, допуская гипотезу о «Творцѣ», необходимо задать себѣ вопросъ о томъ, гдѣ-же находилась эта матерія? Она могла находиться или въ немъ, или внѣ его.

Въ первомъ случаѣ Богъ перестаетъ быть Духомъ: въ немъ находилась матерія, она пребывала въ его существѣ, она входила въ составъ его особы; подобно Богу, матерія вѣчна, безконечна, всемогуща, ибо Безусловное не подвержена никакой случайности. Такимъ образомъ выходитъ, что матерія сама себя создала, и гипотеза о нематеріальности является абсурдомъ.

Во второмъ случаѣ, т. е. если бы матерія находилась не въ самомъ Богѣ, а внѣ его, тогда она сосуществовала бы одновременно съ нимъ, у нея и у него было бы одно и тоже начало; она, какъ и онъ—вѣчны; въ такомъ случаѣ матерія не была создана, и предположеніе о сотвореніи міра—абсурдъ. Въ обоихъ случаяхъ получается несвязность, безсмыслица!

Но сильнѣе всего проглядываетъ нелѣпость христіанскаго понятія о сотвореніи міра въ Откровеніи, ибо тамъ она выступаетъ предъ нами въ менѣе отвлеченной формѣ.

Откровеніе.

Идея о сотвореніи міра неизбѣжно влечетъ за собою идею о Верховномъ Законодателѣ, роковымъ образомъ вызываетъ представленіе о непреложной святости.

Это настолько вѣрно, что не существуетъ ни одной религіи, которая не вводила бы одновременно повелѣній, запрещеній, составляющихъ Законъ Божій, и систему милостей и наказаній, предназначенныхъ для охраны этого закона.

Нужно добавить, что къ верховному судьѣ потребовалось вознестись, для того чтобы онъ повѣдалъ намъ свои законы, для того чтобы узнать, какъ нужно дѣйствовать, въ надеждѣ удостоиться милости, и чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы избавиться отъ кары.

Тотъ актъ, при помощи котораго Творецъ, принципъ Справедливости и Истины, далъ намъ возможность познать свой Законъ, называется Откровеніемъ.

Въ качествѣ посредниковъ ему служили избранники, пророки и апостолы, которыхъ христіанская вѣра представляетъ намъ дѣйствующими по внушенію Божію. Слѣдовательно, устами этихъ избранниковъ распространялось слово Божіе, изложенное въ такъ называемомъ св. Писаніи путемъ Откровенія.

Чему же учитъ насъ Св. писаніе, толкуя о происхожденіи міра вообще и человѣка въ частности? Оно учитъ насъ тому, что невѣжество нашихъ предковъ считало истинной то, что считать таковою теперь невозможно, настолько это не отвѣчаетъ выводамъ современной науки. Оно учитъ насъ тому, что внезапно вышедшему изъ вѣкового бездѣлія Богу взбрело на мысль положить начало тому, что уже существовало, сотворивъ все въ шесть дней.

Въ какой моментъ выполнилъ этотъ трудъ Превѣчный? Когда рѣшилъ онъ снизойти, какъ выражается Малебраншъ, чтобы соблаговолить сдѣлаться Создателемъ? — Въ извѣстный моментъ. Такъ сказано въ священномъ писаніи, такъ слѣдуетъ изъ смысла и понятія о сотвореніи. Въ такомъ случаѣ всю предшествовавшую вѣчность Богъ сидѣлъ сложивши руки? Что же это за дѣленіе пополамъ? Какъ представить себѣ великаго землемѣра, спящаго первую половину вѣчности, внезапно пробуждающимся для того, чтобы создать изъ ничего этотъ міръ, до того не существовавшій, чтобы наполнить и населить невѣдомую пустоту, чтобы вѣчную смерть сдѣлать вѣчною жизнью? Поразительное противорѣчіе! Не могъ же Всеблагій ни на мигъ оставаться въ бездѣйствіи. Дѣятельное и вѣчное

существо не могло пренебречь вѣчной дѣятельностью. Слѣдовательно, необходимо допустить, что міръ долговѣченъ, какъ и самъ творецъ. Но допуская такое существованіе, нужно согласиться съ тѣмъ, что Вселенная вовсе не была создана, что сотвореніе міра есть нѣчто несуразное, невозможное. По словамъ Св. Писанія потопъ произошелъ черезъ 700 лѣтъ послѣ сотворенія міра, за 3700 лѣтъ до Р. Х, отъ котораго насъ отдѣляетъ свыше 1900 лѣтъ. Сложивъ эти числа, мы найдемъ, что міръ существуетъ свыше 6300 лѣтъ. Таково метрическое свидѣтельство, которымъ всевышнему угодно было снабдить свое созданіе, повѣдавъ намъ объ этомъ путемъ Откровенія.

Но путемъ точныхъ вычисленій установлено, что геологическія катастрофы, видоизмѣнившія нашу планету, происходили тысячи, сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ. Извѣстно, напримѣръ, что высочайшій изъ существующихъ лѣсовъ, обратившись въ уголь, образовалъ бы пластъ лишь въ 15 милиметровъ, и что, согласно найденымъ вычисленіямъ, образованіе такихъ глубокихъ залежей, какъ Нордтумберлендскій угольный бассейнъ потребовало не меньше 9.000.000 лѣтъ. И несмотря на это, эпоха образованія угольныхъ залежей является однимъ только изъ тѣхъ пяти великихъ періодовъ, которые предшествовали исторической эпохѣ появленія человѣка на землѣ.

Что-же касается этой послѣдней, то имѣется вполнѣ достаточное количество доказательствъ тому, что и она насчитываетъ немало тысячелѣтій. Во многихъ мѣстахъ на значительной глубинѣ рядомъ съ каменными орудіями, глиняной посудой и другими предметами, чередующимися съ останками крупныхъ толстокожихъ животныхъ, находили и человѣческія кости.

Найдено, путемъ пропорціональныхъ вычисленій, что человѣкъ, современникъ слона, носорога, существовалъ уже 300.000 лѣтъ тому назадъ.

Стоитъ ли упоминать о несуразной легендѣ объ Адамѣ и Евѣ, проживавшихъ въ полномъ блаженствѣ въ земномъ раю и впавшихъ сразу въ немилость за дерзновенную попытку вкусить запрещенный плодъ? Стоитъ ли упоминать о Навинѣ, остановившемъ солнце? Говорить ли о Іонѣ, обрѣтавшемся трое сутокъ во чревѣ кита, когда доказано, что чрезъ пасть этого животнаго человѣкъ продѣть не можетъ? Говорить ли о сухопутномъ хожденіи по Чермному морю? Говорить-ли...

Нѣтъ! это бы было слишкомъ смѣшно. Нелѣпость черезчуръ очевидна. Каково положеніе Бога, начала и источника всякой истины и всякой науки, при такомъ обиліи нелѣпости и такой массѣ лжи и заблужденій? Объ этомъ не будемъ распространяться.

Гипотеза о Богѣ — преступна.

Пунктъ, который остается развить, относится къ Богу-провидѣнію.

Само собою разумѣется, что всепредвидящее, всезнающее, всемогущее Существо, управляя міромъ, не должно допустить какого бы то ни было безпорядка или неповиновенія.

Но зло существуетъ, зло физическое, зло нравственное; и вообще, существованіе зла наряду съ существованіемъ Провидѣнія — просто непостижимо.

Провидѣніе и Зло.

Мы страдаемъ отъ суровости временъ года, вулканическихъ изверженій, землетрясеній, бурь, циклоновъ, пожаровъ, наводненій, засухъ, голодовокъ, болѣзней, эпидемій, ранъ, смерти и проч. и проч. Это—зло физическое.

Мы являемся свидѣтелями и жертвами неисчислимыхъ несправедливостей, жестокостей, угнетеній, грабежей, убійствъ, войнъ. Всюду плутовство одерживаетъ верхъ надъ честностью,

ложь—надъ истиной, жадность—надъ бзкорыстіемъ. Науки, искусства — какъ обходятся съ ними земныя правительства, родъ земного провидѣнія? Заставляютъ ли они ихъ служить миру, добру, общему благу? Исторія ужасныхъ преступленій, чудовищныхъ дѣяній есть не что иное, какъ перечень страданій человѣчества. Это — моральное зло.

Откуда же явилось зло? Кто положилъ ему начало? Если допустить, что Богъ существуетъ, то въ то же время приходится допустить, что все существующее произошло отъ него. Слѣдовательно, Богъ - Существо Истинное, вселилъ заблужденіе, Богъ-Принципъ Справедливости, положилъ начало беззаконію; Богъ-Источникъ Добра, взлелеялъ преступленіе.

И этому Богу, центру и очагу всѣхъ страданій и золъ, я долженъ молиться, служить и поклоняться?...

Зло существуетъ; никто этого отрицать не станетъ. Въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или Богъ въ силахъ уничтожить зло и не хочетъ этого сдѣлать; и тогда онъ — всемогущъ, но золъ, жестокъ, преступенъ, безсиленъ.

Эти доводы были и будутъ неопровержимыми постоянно.

Составленныя нами понятія и идеи о правосудіи подсказываютъ намъ, что тотъ, кто, видя несправедливое дѣяніе и имѣя возможность воспрепятствовать, не дѣлаетъ этого — становится пособникомъ злодѣя, преступенъ въ такой же мѣрѣ, какъ и учинившій зло.

Богъ, (если справедливо, что онъ всемогущъ) который, имѣя возможность безъ особенныхъ усилій устранить зло со всѣми его послѣдствіями, не препятствуетъ злу совершаться, этотъ Богъ — преступенъ, безгранично жестокъ. Что я говорю? Онъ, и только одинъ онъ—сама жестокость; онъ одинъ — преступенъ. Такъ какъ онъ только способенъ хотѣть и мочь, то онъ одинъ во всемъ виновенъ: на него одного должна лечь отвѣтственность за все.

Богъ и человѣческая свобода.

Правда, при помощи уловки, характеризующей духъ религій, и коварныхъ софизмовъ, сдѣлавшихъ духовенство наиболѣе вредными толкователями, деисты находятъ, что зло есть дѣло рукъ не ихъ Бога, а человѣка, одареннаго, благодаря безпредѣльной добротѣ Божьей, слѣдующимъ качествомъ: свободою, чтобы, умѣя отличать добро отъ зла, онъ остерегался этого послѣдняго, отвѣтствуя за свои поступки и зная, что за добро или зло его ждутъ гнѣвъ или милость.

Подобное разсужденіе не имѣетъ никакой цѣны.

Во-первыхъ; если допустить на мигъ, что Богъ существуетъ и что онъ даритъ намъ свободу, то нельзя отрицать, что именно эта, отъ него исходящая свобода служитъ оправданіемъ происходящему злу или добру. Объяснимо ли, почему эта частица вырванной у Верховнаго существа свободы могла бы быть направлена на дурное дѣло наперекоръ божественной волѣ?

Чѣмъ объясняется то, что эта частичка вырванной у свободнаго Верховнаго существа свободы пошла на такое дурное дѣло, если не тѣмъ, что божественная свобода въ зародышѣ своемъ хранила тѣ сѣмена, жатвой которыхъ были гнусность, подлость, страданія?

Если ложь, невѣжество, злоба, преступленіе явились результатомъ дарованной Богомъ свободы, то Богъ и самъ лжецъ, невѣжда, злодѣй, преступникъ.

Согласовать обѣ вещи, существованіе Бога и человѣческую свободу — немыслимо. Если Богъ существуетъ, то свободенъ онъ только.

Существо, отчасти зависящее отъ другого, можетъ быть само свободнымъ только отчасти; тотъ-же, кто находится въ полномъ подчиненіи у другихъ, никакой свободой не пользуется. Онъ—вещь, имущество, рабъ этого другого.

Итакъ, если Богъ существуетъ, то человѣкъ — не что иное, какъ игра его причудъ, его фантазіи Тотъ, кто держитъ про запасъ всѣ муки, ниспо-

сылаемыя на дерзкаго ослушника установленій или запрещеній; тотъ, кто съ быстророй молніи можетъ обречь насъ на смерть, — тотъ одинъ только свободенъ, ибо онъ предполагаетъ и располагаетъ. Онъ — господинъ; человѣкъ — его рабъ.

Чего только нельзя сказать о свирѣпости того судьи, который, предвидя всѣ наши дѣйствія и затѣмъ, обладая даромъ божественнаго предвѣдѣнія, разитъ насъ потоками огня и обрекаетъ насъ на вѣчное пребываніе въ невыразимыхъ мукахъ въ отместку за минутное заблужденіе за мигъ забвенія!

Изъ всѣхъ мучителей этотъ судья — самый неумолимый, самый неправедный, самый жестокій!

Преступленія религіи.

Удивитъ ли васъ послѣ этого то зло, которое причиняетъ человѣчеству религія, тѣ муки, которыми полна земля?

Преступная съ точки зрѣнія метафизической идея о Богѣ еще болѣе, если можно, преступна съ точки зрѣнія исторической.

Ибо Богъ — это религія.

Итакъ, религія есть рабство мысли. У вѣрующаго есть глаза, но онъ не долженъ смотрѣть; у него есть уши, но онъ не долженъ слышать; у него есть руки, но онъ не долженъ прикасаться; у него есть разумъ, но онъ не долженъ разсуждать У него не должно быть ничего общаго съ руками, ушами, глазами, разсудкомъ. Обо всякомъ предметѣ онъ долженъ спрашивать у откровенія, преклоняться предъ Св. Писаніемъ, подчинять свое сужденіе православію. Противорѣчащую его вѣрѣ очевидность онъ считаетъ богопротивной, ложной. Обманъ и ложь, направленныя къ защитѣ его Бога, онъ провозглашаетъ истиной и дѣйствительностью.

Не дѣлайте попытокъ разсѣять нелѣпость его предразсудковъ; въ отвѣтъ на это онъ заткнетъ

вамъ ротъ, если у него достаточно силы, или предательски набросится на васъ сзади, если онъ слабъ.

Религія захватываетъ едва пробудившійся разумъ ребенка, вколачиваетъ туда неразумные способы мышленія, взращиваетъ его въ сферѣ заблужденій и бросаетъ его обезоруженнымъ предъ лицо разума, стремящагося къ познанію истины.

Затѣянное Догмою противъ современнаго ребенка покушеніе она приводила въ исполненіе втеченіе долгихъ вѣковъ надъ младенцемъ — человѣчествомъ.

Пользуясь, злоупотребляя невѣжествомъ запуганнаго разума нашихъ предковъ, религіи, всѣ религіи, спутали мысли, поработили разумъ исчезнувшихъ поколѣній.

Помимо этого религіи задерживали прогрессъ Человѣку, одурманенному терпѣливымъ ожиданіемъ вѣчной радости или скорби, жизнь — не дорога.

Въ смыслѣ продолжительности она очень быстротечна, ибо 20, 50, 100 лѣтъ ничто въ сравненіи съ вѣчностью.

Станетъ ли приписывать какую нибудь важность этому краткому переходу, этому мимолетному пребыванію на землѣ человѣкъ, сгорбившійся подъ ярмомъ религіи?

Этого онъ не въ правѣ дѣлать.

Въ его глазахъ жизнь — преддверіе вѣчности, которую онъ ожидаетъ; земля — ведущій къ ней проходъ.

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ бороться, искать, изучать, познавать? Зачѣмъ трудиться надъ улучшеніемъ условій столь кратковременнаго существованія? Зачѣмъ трудиться надъ расширеніемъ, расчисткою, просвѣтленіемъ этого прохода, этой каморки, гдѣ болѣе момента оставаться не прійдется?

Важно только одно; сдѣлать все для спасенія души, отдаться Богу.

Прогрессъ — результатъ настойчивыхъ усилій, а эти послѣднія напрягались только по мѣрѣ надобности. Но такъ какъ жить спокойно, удовлетворять потребности, сокращать трудъ, увели-

чивать благосостояніе, глазамъ вѣрующаго представляются вещами ничего не стоющими, то и прогрессъ его вовсе не интересуетъ.

Что слѣдствіемъ религій было порабощеніе мысли и задержка прогресса — это истины, которыхъ подтвержденіемъ служитъ множество имѣющихся въ исторіи и ярко бьющихъ наружу фактовъ.

Мыслимы-ли болѣе ужасныя преступленія?...

А кровопролитныя войны, поглотившія во имя и изъ-за всякаго рода вѣрованій сотни и тысячи поколѣній, милліоны и сотни милліоновъ воиновъ?.. Кто перечислитъ число войнъ, поводомъ которыхъ были религіи? Кто подведетъ итоги смертямъ, убійствамъ, гекатомбамъ, разстрѣламъ, казнямъ, которыми религіозное сектантство и нетерпимый мистицизмъ напоили землю, по которой проходило человѣчество, угнетаемое кровавымъ тираномъ, котораго заставить обожать считали своимъ прямымъ долгомъ священническія касты?

Найдется ли когда-нибудь художникъ, который при всемъ обиліи красокъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ и со всѣми мельчайшими подробностями изобразитъ трагическіе акты этой драмы, ужасы которой держали въ страхѣ цивилизаціи около шести вѣковъ, достаточно пришибленными, чтобы сносить господство католической церкви; ту драму, которую исторія заклеймила страшнымъ именемъ: «Инквизиція».

Религія это — ненависть посѣянная среди людей; это — добровольное рабство и безропотная покорность милліоновъ; это — высокомѣрная жестокость касты монаховъ, попов; это — торжество подавляющей морали, доходящей до искаженія сущности: мораль умерщвленія плоти и духа, мораль уничиженія, отрицанія, самопожертвованія; мораль, вмѣняющая въ обязанность личности сдерживать свои благіе порывы, обуздывать свои страсти, заглушать свои стремленія; мораль, наполняющая разумъ нелѣпыми предразсудками и терзающая его угрызеніями совѣсти и страхомъ; мораль, предписывающая смиреніе, подрывающая могучій притокъ энергіи, давящая ос-

вод[и]тельныя попытки возмущеній, оправдывающая деспотизмъ хозяевъ, эксплуататорскія дѣйс[т]вія богатыхъ и коварное владычество поповъ.

Умс[т]венное невѣжество, духовное уродство, слабост[ь] воли, — вотъ тѣ преступленія, въ которыхъ [с]ледуетъ винить Бога и его рокового сообщика, [р]елигію.

Всѣ эт[и] преступленія, которыя возведены здѣсь гром[к]гласно, публично, относятся къ лжецамъ, пропов[ѣ]дующимъ во имя несуществующаго Бога. Они н[а]званы преступленіями Бога потому, что его именем[ъ] они проповѣдывались и проповѣдуются т[е]перь еще; потому что распространялись они [и] продолжаютъ распространяться, благодаря идеѣ о Богѣ.

Заключеніе.

Рѣшительный моментъ наступилъ.

Подъ бдительнымъ окомъ нашего правительства замѣчается пробужденіе духовенства. Черные батальоны зашевелились.

Церковь напрягаетъ всѣ усилія; она собираетъ полки; всѣ воины ея наготовѣ, всѣ пружины пущены въ ходъ. Этой арміи фанатиковъ мы должны противопоставить сплоченный и сильный отрядъ. — Дѣло идетъ не о будущности партіи, а о будущности человѣчества, о нашей собственной будущности.

Ожиданія всѣхъ сторонниковъ прогресса, всѣхъ мыслителей, всѣхъ мужественныхъ людей должны сбыться и могутъ сбыться на землѣ.

Каждый можетъ располагать свободой дѣйствій и не отказываясь отъ своихъ склонностей и личныхъ убѣжденій пойти на борьбу съ Догмою Таинственностью, Нелѣпостью, Религіей!

Очень долго человѣчество вдохновлялось Богомъ безъ философіи; пора подойти къ Философіи безъ бога.

Сомкнемъ ряды, товарищи! На бой, въ битву, на смерть! Нашъ путь устланъ непредвидѣнными кознями и неожиданными нападеніями со стороны сектантовъ. Пусть же правдивость оспариваемой нами идеи придаетъ намъ силу и обезпечитъ за нами побѣду!